

Александра Плетнева

Народная орфография первой половины XIX века

Przegląd Wschodnioeuropejski 3, 441-448

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

АЛЕКСАНДРА ПЛЕТНЕВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва

НАРОДНАЯ ОРФОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века*

В России XVIII – первой половины XIX вв. сосуществовали три отчетливо противопоставленные друг другу письменные системы. С одной стороны, это письменность, ориентированная на русский литературный язык – язык государственного делопроизводства и русской литературы. С другой стороны, книжность, ориентированная на церковнославянский язык – язык православного богослужения. И третьей составляющей русской письменности этого времени являлась народная книжность, имеющая как рукописную (поздние рукописные сборники), так и печатную (лубочную) традицию. В свое время нам уже приходилось писать о социолингвистическом аспекте функционирования этих трех видов письменности¹. Поэтому здесь мы лишь ограничимся указанием на то, что тиражи книг, написанных на русском литературном языке, были существенно меньшими, чем тиражи книг церковной печати. А тиражи лубочных изданий, в свою очередь, заметно превосходили тиражи книг церковной печати.

В настоящей статье речь пойдет об особой орфографической традиции XVIII–XIX вв., характерной для народной книжности. Орфографическая норма русского литературного языка этого времени не распространялась на произведения, адресованные городским мещанам и крестьянам. Эти группы населения были несколько дистанцированы от тех культурных процессов, которые были характерны для европеизированной части общества, прежде всего для дворянства. Начальное обучение крестьян и мещан было ориентировано не столько на русский литературный язык, сколько на церковнославянскую книжность (недаром вплоть до начала XX в. детей

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей». Проект «Риторические стратегии и семантические составляющие в истории русской культуры (религиозной и советской)

¹ А. А. Плетнева, *О языке народной письменности XVIII–XIX веков*. // Славянское языкознание. Материалы научной конференции К XIII Международному съезду славистов. Москва 2003, с. 224–232; *К характеристике языковой ситуации в России XVIII–XIX вв.* // Русский язык в научном освещении № 2 (12), Москва 2006, с. 213–229

начинали учить по церковнославянскому букварю)². Орфографическая традиция текстов, адресованных этим читателям, восходит к расплывчатым нормам гибридного церковнославянского языка XVII в. Ценным материалом для изучения этой традиции являются лубочные перепечатки текстов, первоначально предназначенных для другой социальной группы.

В нашем распоряжении имеется текст «История о Иосифе Прекрасном», изданный в двух разных орфографических традициях и в двух полиграфических техниках: стандартная русская орфография первой половины XIX в. представлена в наборном издании, народная орфография в гравированном (лубочном) издании.

Текст «История о Иосифе Прекрасном», является частью «Краткой истории Ветхого и Нового Завета в назидание детей»³, впервые изданной в 1820 году. Это перевод с французского языка, выполненный Андреем Пеше. Об Андрее Николаевиче Пеше⁴ известно, что он был чиновником, служебная деятельность которого каким-то образом была связана с театром⁵. Он был достаточно плодовитым переводчиком. Среди его переводов преобладают тексты светского характера. Это перевод немецкого романа Христиана Августа Вульпиуса «Бобелина – героиня Греции»⁶, «Жизнь Марии Стюарт, королевы шотландской»⁷, «Изображение одеяний и обычаев разных народов»⁸, «Картина вселенной, или краткое описание обитающих на Земном шаре народов»⁹, «Краткая греческая история»¹⁰, «Краткая римская история»¹¹, «Мормион» и «Видение Дани Родерика» Вальтера Скотта¹². К числу его оригинальных произведений, по всей видимости, относятся «Подробное и верное описание монастырей, находящихся в Российской империи», «Училище для детей или собрание повестей», «Азбука французская для начинающих», «Азбука немецкая»¹³, а также «Краткое жизнеописание некоторых святых»¹⁴.

² А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, *История церковнославянского языка в России (XIX–XX вв.)*. Москва 2001, с. 25–41

³ [А. Пеше (пер.)], *Краткая священная история Ветхого и Нового Завета в назидание детей. Представленная в 74 искусно гравированных картинах*. Москва, 1820

⁴ Г. Геннади, *Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825*. Т. 3. Берлин–Москва 1908, с. 131

⁵ О. А. Белоброва, *Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков*. Москва 2005, с. 104

⁶ *Сводный каталог русской книги 1801–1825*. Т. 2. Москва 2007, № 1393

⁷ Там же, № 2772

⁸ Там же, № 3071

⁹ Там же, № 3451

¹⁰ Там же, № 4041

¹¹ Там же, № 4048

¹² А. И. Рейтблат, *Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи*. Москва 2001, с. 112

¹³ Там же, с. 112

¹⁴ *Сводный каталог русской книги 1801–1825*, № 4074

Любопытно, что последний текст так же, как и «Краткая история Ветхого и Нового Завета», имеет посвящение А. А. Орловой-Чесменской.

Лубочная версия этого текста была опубликована Д. А. Ровинским¹⁵ среди лубочных текстов религиозного содержания. Оригинал этих листов находится в собрании В.И. Даля.¹⁶ Лубочная «История о Иосифе» представляет собой 24 гравированные картинки, сопровождаемые текстом, достаточно точно воспроизводящим текст, изданный Пеше. Однако его орфография имеет серьезные отличия от оригинала. Публикуя лубочный текст, Д.А. Ровинский оговаривается: «Текст этого издания наполнен множеством ошибок, произошедших от того, что доски резал совершенно безграмотный гравер»¹⁷. При этом Ровинский снимает ряд тех написаний, которые он сам считает ошибочными. Например, сочетание *-ие, -ия* он заменяет на *-ie, -ia*. Вообще, в его издании орфография текста сильно приближена к стандартной русской орфографии. Поэтому для рассмотрения орфографии лубка необходимо пользоваться листами из собрания В.И. Даля. Орфографические отличия лубочного текста от его оригинала связаны отнюдь не с безграмотностью писца. Гравер достаточно последовательно воспроизводил текст в том облике, который был привычен читателю лубочной книги. Он менял орфографию исходного текста, ориентируясь на традицию народной книжности.

Графико-орфографические особенности, представленные в лубочном тексте, объединяются в три группы. Во-первых, можно отметить те черты, появление которых объясняется влиянием церковнославянской книжной традиции; во-вторых, те черты, которые характерны для любых лубочных текстов, независимо от того на русском или церковнославянском языке они написаны, и наконец, можно отметить те черты, которые условно можно обозначить как авторские, т.е. характерные лишь для этого издания.

1. Влияние церковнославянской письменности

1.1. В гравированном тексте появляются написания со знаком титла, причем в некоторых случаях знак титла может сочетаться с прописной буквой: *Бѣъ, Бѣѣ, Бѣа, оѣемъ, дѣи, кѣъ бы, бѣаѣи, тѣже* и т.д.

1.2. Вместо буквы *я* употребляется *ѧ* (юс малый): *ѧзали, дѧтамъ, многиѧ, наставлениѧ, родителѧ, из ѧмы, ѧ*.

¹⁵ Д.А.Ровинский. *Русские народные картинки*. Т. I–V. СПб., 1881. № 833

¹⁶ РНБ, Отдел эстампов, Собрание В.И. Даля, II, 11–16

¹⁷ Д. А. Ровинский. *Русские народные картинки*. т. III, с. 292

1.3. Для [у] используются две буквы: у и Ѹ. Ѹ встречается после согласных, а у в начале слова: *устремивъ, уста, ужасъ, умоумъ, заснѣтъ, испѣстиль, кинѣса нагрѣтъ, охладевшемълицѣ* и др. В стандартной церковнославянской орфографии используются также две графемы для [у]: Ѹ и Ѹꝛ, причем диграф употребляется в начале слова, а у-лигатурное во всех остальных случаях. Распределение двух графем в лубочном тексте точно воспроизводит правила церковнославянской орфографии. (Напомню, что речь идет о графико-орфографической передаче русского текста, написанного в первой четверти XIX в.)

1.4. В лубочном тексте встречаются буквы ѿ и ѿ, отсутствующие в русском алфавите: *ѿмению, ѿветствовалъ, ѿправилъ, ѿголодной смерти, Исифъ, ибладаа*.

2. Типичные черты лубочной орфографии

2.1. Отсутствие буквы ѣ. Вместо ѣ в лубочном тексте используются и и і (ѣ → и, ѣ → і): *дѣствию гордости Иосифовоѣ, дрѣю сонъ, лютии зверь, въ семействѣ, въкрови козлиной, печальнии крикъ, управлѣи всѣмъ, въ землѣ ханаанской, хлѣбъ привезенный, бѣатой обетъ, найденыа* и т.д.

Буква ѣ в церковнославянском языке появляется достаточно поздно. Систематически она начинает употребляться только во второй половине XVII века. При этом в грамматиках и букварях она трактуется как буква и с надстрочным знаком «краткая». Таким образом, лубочные тексты (прежде всего тексты XVII–XVIII в.) сохраняют память об отсутствии особой буквы и-краткая.

2.2. Замена ѣ на е (ѣ → е). В ряде случаев (приблизительно четверть от общего числа) вместо ѣ пишется е: *звездъ, зверь, намерение* (через две строчки правильное написание *вънамѣреніи*), *советъ, приехали, приехавъ, обетъ (обѣдь), тело* (но встречается и *тѣло*) и т.п. Мена ѣ // е характерна для большинства лубочных текстов. В одних лубочных текстах картина примерно такая же, как в «Истории о Иосифе», в других – ѣ полностью отсутствует, в третьих – помимо нарушений орфографической нормы, есть случаи гиперкоррекции, то есть не только е появляется на месте ѣ, но и ѣ на месте е (ѣ ↔ е).

2.3. Отсутствие буквы э: В лубочном тексте несколько раз встречается слово *ето* (в оригинале *это*), через е пишется также слово *евнухъ*, которое в оригинале выглядит как *эвнухъ*. Отсутствие буквы э характерно только для

лубочных текстов на русском языке (в церковнославянских текстах просто нет такой буквы), однако эта графико-орфографическая особенность встречается почти во всех русскоязычных лубках.

2.4. В лубочном тексте часто пропускается *ь* в середине слова после *л* и *н* перед согласным: *началникъ, нетолко, столко, сколко, денги, съболишимъ, печалное*. Подобные пропуски *ь* после сонорных встречаются и в других лубочных текстах, а также в деловых документах и частной переписке второй половины XVII в.

2.5. Распределение *и/і*. Употребление букв *и*-восьмеричное и *и*-десятеричное в лубочных текстах – зона нестабильности. Если в гражданской орфографии *і* писалась перед гласными, то в традиции лубочной письменности существовала тенденция перед гласными писать *и* (*и*-восьмеричное). Эта орфографическая традиция «пересилила» орфографию оригинала. Написаний с *и*-восьмеричным перед гласным около 140 случаев *дѣйствию, намѣрениа, несогласие, намерение, по научению, многиа другиа нещастиа, патриарха, сие, патриарховы, удивление сие, Вениамина* и др.

Исключением является написание *-іи* с *и*-десятеричным в начале и последовательное написание *і* перед гласным в именах *Іосифъ, Іаковъ (Іаковъ), Іуда* и образованных от них притяжательных прилагательных. Остальных случаев написания *и*-десятеричного перед гласными насчитывается всего 28 (понятно, что в оригинале таких случаев 100%).

В позиции перед согласным и на конце слова стандартно пишется *и*- в осьмеричное. Однако есть несколько случаев употребления в этих позициях *и*-десятеричного. В позиции перед согласным на более чем 900 случаев употребления *и*-восьмеричного, встречается 21 случай употребления *и*-десятеричного: *испѣвавшись, окрѣживъ, удалилъсь, вытащитъ, изъ Египта, ипроливаль, бользамѣривать* и др. То же самое имеем и в позиции конца слова: на 440 случаев употребления в этой позициях *и*-восьмеричного – 8 случаев *и*-десятеричного: *Іосифовой, клевалі, пожралі* и др. В целом в тексте представлена тенденция сокращения употребления *и*-десятеричного.

2.6. Элементы фонетической записи. Орфография лубочных текстов в некоторых случаях допускает фонетическую запись.

2.6.1. В лубочном тексте в ряде случаев фиксируется оглушение/озвончение согласного: *млатшаго брата, голоть, обеть* (в оригинале – *обѣдь*), *на сеи догаткѣ, источникъ слезъ изъ глазъ, кинѣиса нагрѣтъ, опрозьбѣ*. Частным случаем является запись приставки на *-з*¹⁸ перед глухими

согласными как приставки с *-с-*: *восклицать, происходившиа*, причем если корень начинается с *с-*, то согласная не удваивается: *рассказать, восталь, рассказали*. В ряде случаев *-з-* сохраняется и при этом может отделяться от корня ером: *возкликнѣтъ, безъпрестанно, рассказали*.

2.6.2. В ряде случаев отражается редукция гласных: *дастать, множества денегъ, доволинъ, приведины, обзаннысти*. Есть два примера гиперкорректного употребления безударных гласных: *значеть, бользамѣривать*.

2.6.3. В лубочном тексте об Иосифе встречаются два случая, фиксирующие упрощение группы согласных: *проишествиа, египецкому*.

2.7. Слитное написание предлогов, союзов и частиц. Слитное написание предлогов, союзов и частиц с последующим или предыдущим словом является характерной чертой лубочной письменности. В лубке про Иосифа Прекрасного таких примеров довольно много.

Предлоги	Союзы	Частицы
<i>наполѣ</i>	<i>Иговорили</i>	<i>однакоже</i>
<i>кънему</i>	<i>иначали</i>	<i>несынали</i>
<i>онемъ</i>	<i>адома</i>	<i>небыло</i>
<i>въровъ</i>	<i>новдрузѣ</i>	<i>даповинѣются</i>
<i>задвадцать златницъ и др.</i>	<i>нокакимъ и др.</i>	<i>дасохранить и др.</i>

Некоторые слова во второй половине XIX в. стали писаться слитно, однако в орфографической практике начала XIX века они писались раздельно. В лубочных текстах такие слова последовательно пишутся слитно:

Лубок	Издание Пеше 1820 г.
<i>навѣкѣ</i>	<i>на вѣки</i>
<i>поистиннѣ</i>	<i>по истиннѣ</i>
<i>итакъ</i>	<i>и такъ</i>
<i>отънынѣ</i>	<i>отъ нынѣ</i>
<i>неужели</i>	<i>не уже ли</i>

¹⁸ В дореволюционной орфографии варианта приставки на *-с-* перед глухими не было.

В лубочном тексте фиксируется слитное написание предлогов в сочетании с именами собственными, которые пишутся с прописной буквы: *къ Иосифу, безъ Вениамина, и Манассию* и др.

2.8. Знаки препинания в лубочном тексте «История о Иосифе Прекрасном» практически отсутствуют. Вообще отсутствие точек и запятых – характерная черта лубочной письменности. В некоторых текстах точки и запятые все же ставятся, но такие знаки препинания, как тире и кавычки – практически никогда.

Лубочный текст.	Текст Пеше 1820 г.
<p><i>Предложеніе сіе весьма понравилось фараонѣ и его министрамъ которые всѣ единогласно выхваляли юнаго израильтанина наконецъ сказалъ Царь Иосифу Ты преисполнишь дѣла Божіаго гдѣ и кого найдѣ а умнѣе тебѣ И такъ Иосифъ отъ нынѣ даю тебѣ безпредѣльную власть въ Царствѣ моемъ управляи всѣмъ по премудрости своей всѣ подданные мои да повинуются тебѣ.</i></p>	<p><i>Предложеніе сіе весьма понравилось Фараону и его министрамъ, которые всѣ единогласно выхваляли юнаго Израильтанина; наконецъ сказалъ Царь Иосифу: «Ты преисполнишь духа Божіаго; гдѣ и кого найду я умнѣе тебя! — И такъ Иосифъ! Отъ нынѣ даю тебѣ безпредѣльную власть въ Царствѣ моемъ, управляи всѣмъ, по премудрости своей и всѣ подданные мои, да повинуются тебѣ.»</i></p>
<p><i>Присихъ словахъ полились источникъ слезъ изъ глазъ добродѣйнаго Иосифа и онъ не могши болѣе скрывать чувствъ родства колебавшихъ дѣиѣ и сердце его велѣлъ удалитсѣ своимъ слѣжителамъ асамъ проливаа слезы радости такъ говорилъ А Иосифъ братъ вашъ приблизитсѣ узнайте того котораго вы продали купцамъ Исмаильскимъ скажите мнѣ поистиннѣ живъ ли родитель нашъ</i></p>	<p><i>При сихъ словахъ полились источники слезъ изъ глазъ добродушнаго Иосифа, и онъ, не могши болѣе скрывать чувствъ родства, колебавшихъ душу и сердце его, велѣлъ удалиться своимъ служителямъ, а самъ, проливая слезы радости, такъ говорилъ: «Я Иосифъ, братъ вашъ! Приблизьтесь, узнайте того, котораго вы продали купцамъ Исмаильскимъ! скажите мнѣ по истиннѣ, живъ ли родитель нашъ!»</i></p>

3. Индивидуальные орфографические особенности

В настоящем тексте кроме типичных черт лубочной орфографии появляется и другая особенность, которая характеризуют только этот текст. Это распределение в правописании возвратного суффикса букв *ъ* и *ь*. Написание с ером (-сѣ) появляется в тексте об Иосифе 38 раз, а с ерем (-сѣ) – 9 раз. Однако говорить, что правописание -сѣ появляется под влиянием оригинала, нельзя. В лубочном тексте -сѣ последовательно пишется

в глагольных формах прошедшего и настоящего (будущего) времени: *умножаласѣ, поклонѣлисѣ, согласилисѣ, удалилѣсѣ, понравилосѣ, отправилисѣ, переменилосѣ, надѣюсѣ, останѣсѣ* и т.п. В то же время *-сь* появляется в формах деепричастий и императива: *сдѣлавшисѣ, разставаѣсь, опасаетесь, поклонитесь*. То есть мы имеем дело с осознанной нормой (является ли она личной или корпоративной, то есть характерной для какой-либо группы переписчиков, мы не знаем).

* * *

Рассмотренные особенности орфографии «Истории о Иосифе Прекрасном» свойственны не только этому лубочному тексту. Такие орфографические особенности, как отсутствие буквы *й*, мена *ѣ* // *е*, слитное написание предлогов, союзов и частиц, отсутствие или сведение к минимуму знаков препинания и др., характерны для значительного числа лубочных текстов и являются своеобразным орфографическим маркером лубочной книжности. Эти особенности, восходящие к рукописной традиции XVII в., проявляются в текстах, написанных как на русском, так и на церковнославянском языке. Таким образом, на уровне орфографии отчетливо прослеживается единство народной письменности.

Orthography of common people of the first half of the XIXth century

The objective of the article is to make an analysis of the lubok writings, which orthography differed not just from the orthography of the Russian Literature Language but also from the Church Slavonic orthography. The analysis of “The Story of Joseph the Beautiful” initially printed in the standard civil orthography and later reprinted in the lubok version, provides an opportunity to trace back the ways of orthography adaptation. The comparison of this orthography system with other lubok texts lets us claim that a number of orthography peculiarities (absence of *й*, change *ѣ* for *е*, writing of prepositions, conjunctions and particles together with the main words, lack or absolute absence of punctuation marks, etc.) is distinctive for the considerable amount of lubok texts serving as an orthography hallmark of lubok writings. The peculiarities in question date back to the manuscript tradition of the XVII century and serve as the elements providing systemic unity for lubok writings.